

ТАЙНЫ ИМЕН

(Функционирование имени собственного
в северном регионе)

А. А. Куратов

СЕВЕРНОРУССКАЯ ОНОМАСТИКА

Архангельская область и прилегающие к ней российские регионы составили значительный по площади ареал, традиционно называемый Поморьем, Русским Севером. Здесь, как и везде на Земле, на протяжении многовековой этнической истории шел активный процесс номинации в рамках отдельных, а зачастую взаимосвязанных друг с другом языковых пластов; каждый этнос оставил свой след в ономастической стратиграфии, в том числе антропонимической и топонимической.

В работах этнологов, фольклористов и диалектологов проанализированы факты, свидетельствующие о ранней (до XV века) этнической и культурно-бытовой неоднородности севернорусского населения, связанной с довольно ранним продвижением славянских и неславянских племен из Приильменя-Приладожья и Верхнего Поволжья [1]. Можно предположить, что ономастическая терминология рождалась из местных «чудско»-русских диалектов: архангельских [2], вологодских [3], олонецко-карельских [4], сааморусских [5] и др.

Изучение историко-географических истоков севернорусских говоров, по существу, только началось, их системно-этимологическое осмысление продвинулось, однако, немногим далее В. И. Даля, М. Фасмера и А. И. Подвысоцкого. На новый исследовательский уровень вышел Г. М. Керт, составивший совместно с Ю. Елисеевым «Сопоставительно-ономастический словарь диалектов карельского, вепского и саамского языков»; в настоящее время он плодотворно

работает над созданием компьютерного банка топонимики Европейского Севера России.

Значительный интерес представляет сопоставительный словарь коми языка, составленный еще в прошлом веке (1873—1875 гг.) И. А. Куратовым и опубликованный в 1979 году В. С. Гуляевым [6]; в словаре сопоставляются слова дерптско-эстонского, ревельско-эстонского, лапландского, финского, венгерского, остяцкого, вогульского, вотяцкого, карельского, зырянского, пермяцкого, черемисского, мордовского, самодийского, санскритского, татарского языков. Собранные Куратовым материалы должны были послужить основой для этимологического словаря коми языка, однако завершить работу над ним он не успел из-за своей преждевременной кончины. В наше время топонимию в бассейне р. Вычегды изучал А. И. Туркин [7].

В «Архангельском областном словаре» можно найти немало слов, вошедших в лексемы антропонимов, этнонимов, топонимов и других номинаций, например: БАСАЛАЙ — шалун, проказник — и фамилия БАСАЛАЕВ; БА́САРГА — травянистое растение — и прозвище БА́САРГА; БО́РОК — высокое место с леском — и название полей (Вилегод. р-н), поляны БАСКО́Й БО́РОК (Котл. р-н), фамилия БОРЕ́ЦКИЕ; ВО́РГА — временная проезжая дорога (Холмогор. р-н), лесная тропинка (Пинеж. р-н), оленья дорога (Мезен. р-н) и т. д. — и название сенокосных угодий АЗАПОЛЬСКАЯ ВО́РГА (Мезен. р-н), название реки ВО́РГА (Пинеж. р-н); ВЫСТАВКА — деревня, перенесенная на новое место, — и название деревни ВЫСТАВКА (Краснобор. р-н); ВЫЙКА — порода коров — и кличка коровы ВЫЙКА (из дер. Выя); ГО́РНЕЙ, ГО́РНОЙ — расположение на возвышенном месте — и название поля, озера, болота: ГО́РНЕ ОЗЕРО (Мезен. р-н), ГО́РНЕ ПОЛЕ (Пинеж. р-н), прозвище человека СЫСО́Й ГО́РНИЙ (Лешуконс. р-н), Ильин день — ГО́РНЕЙ ПРА́ЗДНИК; ГОРОДИЩЕ — холм искусственного происхождения — и название места ГОРОДИЩЕ (Пинеж. р-н), поля (Каргоп. р-н) и т. д.

Лингвисторическое изучение Архангельской области, начатое с 1967 года В. Я. Дерягиным и Л. П. Комягиной, позволило поставить и решить целый ряд этногенетических проблем [8]. На 198 картах «Лексического атласа Архангельской области» Л. П. Комягиной дана пространственная характеристика наиболее известных диалектных лексем. Путем анкетирования в 38 пунктах с деревнями, расположенными вдоль больших рек и по побережью Белого моря, удалось картографировать более 320 лексем севернорусского говора

(таких, например, как УГОР, ЛУДА, ВЕРЕТЬЯ, КОРГА, РАДА, ЛАХТА, КУРЬЯ, КОШКА, НЯША, ТАЙБОЛА, СОГРА, ШАЛГА, ОБЖА и др.). Сводные карты изоглосс и площадей (№№ 192—198) отразили, как считает автор, следы различных колонизационных потоков из более южных районов, признаки культурных влияний, результаты взаимодействия с языками и диалектами древнейшего финского населения, вытесненного или ассимилированного русскими, а также итог длительного соседства северноруссов на западе и востоке с нерусским населением [9].

Не меньший интерес представляют работы Г. Я. Симиной [10], обратившейся к изучению географической терминологии Пинежья; в ходе полевых исследований в 1958—1977 годах она собрала уникальный материал по пинежской микротопонимии, сравнив его с данными писцовых книг XVII века и других официальных документов XVII—XVIII веков. Из 593 пинежских лексем было выделено лишь 45 неславянских по происхождению (например, в названиях болот — КАЛТУС, ПАХТА, ОЛЬДЮГА, МУРГА, РАДА, ТУНДРА; в названиях водоемов — ВИСКА, ВАДЕГА, ЛЫВА); остальные лексемы были русскими (например, в числе сельскохозяйственных не было ни одного заимствованного слова: ДЁР, ДЕРТИНА, КОПАНИНА, ЧИЩЕНИНА, НОВЬЕ, НОВИНА, ПЕРЕПАШЬ, РАСЧИСТКА; РЖИЩЕ, ЖИТИЩЕ, РЕПИЩЕ; ПЕСОК, СУПЕСЬ, СУГЛИНА, ЧЕРНОЗЁМИНА; ОКРАЙКА, ВЫГОРОДКИ, ЗАГОН, ГУМЕННИК, ПЕЧИЩЕ, ПУСТОШЬ, ПАР; ГАРЬ, ВЫРУБКА, ГОРЕЛИЩЕ, СЕЧИЩЕ и т. д.). Значительная часть этих слов оказалась репродуцированной в топонимах, в основном — в микротопонимах (например, деревни НОВИНКА, РЕПИЩЕ и др.). Ясно прослеживается историческая закономерность: если в топонимии Пинежья преобладают слова с неславянскими формантами, то в микротопонимии — русские слова, то есть в микротопонимии процесс репродуцирования русской лексики, начавшийся несколько веков тому назад, продолжается и сейчас, тогда как в топонимии (макротопонимы и мезотопонимы) он завершился давно; нерусская лексика была «спроецирована» из микротопонимии в топонимию; русская лексика, преобладающая в современной микротопонимии, с течением времени (веков, тысячелетий) повторит тот же путь, постепенно переместится в топонимию.

Тот же репродуктивный эффект можно наблюдать в северной антропонимике. В. А. Никонов на основе материалов Всероссийской переписи 1897 года составил список из четырех тысяч фамилий жителей Архангельской губернии. Многие из них по-

лучили следующее истолкование: БОБЫКИН (БОБЫКА — птица), БУРАКОВ (БУРАК — корзина), КЛУБЫКОВ (КЛУБЫКА — верхний сноп) и т. п.; некоторые расшифровки Никонова обстоятельны и многословны, например: фамилия СКРОЗНИКОВ — отчество от прозвища отца из диалектного СКРОЗНИК — «ловкий, пройдоха», «проныра» [11].

Ценный материал о происхождении русских фамилий содержится в известном «Ономастиконе» С. Б. Веселовского [12], в котором можно найти и северные фамилии: ВОЛОХОВ (1583 г., Сев. Двина), ГОРЮШИН ФЕДОР (1545 г., Каргополь), ДВОЙНИН МИЛЕНЯ (1683 г., Каргополь), ДЯГИЛЕВ ФЕДОР (1630 г., Яренск) и др. Постепенно сложились, по мнению В. А. Никонова, четыре главных фамильных ареала России: ИВАНОВИЯ (Новгород., Псков., Смолен., Брян. области, части Москов. обл.), ПОПОВИЯ (Арханг. обл.), СМИРНОВИЯ (Костром., Яросл., Иванов. области), КУЗНЕЦОВИЯ (Туль., Нижегород., Самар. области). На Севере Поповым и Кузнецовым уступают лишь Шестаковы, Некрасовы, Симаковы (Семаковы) и др. По данным антропонимического анкетирования, в Архангельской области (1997 г.) наибольшее распространение получили следующие фамилии: Лукошков, Вашуков, Пластинин, Мартынов, Чернаков, Ширьев и др. (Шенкур. р-н), Лобанов, Романов, Баков, Соколов, Могутов, Шубин, Воронцов, Некрасов и др. (г. Вельск), Попов, Чесноков, Выморков, Курицын, Новоселов, Коробицын (Вельский р-н), Бачинов, Свинцов, Бурков, Солодов, Тарутин, Лупандин и др. (Няндома), Леушев, Литвин, Туробов, Попов и др. (Ярен. р-н), Вежливцев, Лагунов, Третьяков, Пьянков (с. Вознесенское, Верхнетоем. р-н), Галашев, Евстафеев, Чуркин, Обухов, Тырлов и др. (дер. Шепоховская, с. Архангело, Каргоп. р-н), Петухов, Каменев, Семенов, Агапитов, Якунин и др. (г. Онега), Попов, Андреев, Дерябин, Максимов, Жданов, Смородин, Федотов, Морозов и др. (пос. Лешуконское), Софронов, Кобылин, Лобанов, Коквин, Хлызов, Пинежанинов, Байдин, Лыков, Амосов и др. (пос. Урдома, Ленск. р-н), Борисов, Абрамов, Глубокий, Бурачкин, Варзимоев, Воронин и др. (дер. Кушкопала, Пинеж. р-н), Савин, Аксенов, Третьяков, Некрасов, Короткий, Рудаков, Попов, Макаров, Корельский, Михайлов, Елфимов, Волков и др. (пос. Емецк), Личутин, Окладников, Минькин, Малыгин, Сахаров и др. (г. Мезень), Таратин, Марков, Ляпин, Ушаков, Байков, Куликов, Васильев, Ядрихинский, Широкий, Кобелев, Шубин, Фролов и др. (дер. Волонга, Ненец. авт. округ) и т. д.

При всем разнообразии севернорусских фамилий можно выделить основные способы номинации. Например, авторы переписной книги г. Ярославля (1671 г.) для обозначения посадского человека

с именем Иван использовали следующие приемы: 1) личное, календарное (церковное) имя — ИВАШКО; 2) притяжательное прилагательное от календарного имени отца — ВАСИЛЬЕВ; 3) притяжательное прилагательное от имени матери — АПРАКСИН; 4) прозвище или некалендарное имя («свое») — ГНИДА; 5) притяжательное прилагательное от прозвища (некалендарного имени) отца — СОЛОДОВНИК; 6) прозвище или некалендарное имя отца в форме родительного падежа — ЗАТРАПЕЗНОГО; 7) происхождение человека по местности или национальности — ХОЛМОГОРЕЦ; 8) притяжательное прилагательное от прозвища отца по его происхождению — ХОЛМОГОРЦЕВ; 9) занятия человека — ПИРОЖНИК, САПОЖНИК, ОВСЯНИК, ЛОДОВНИК; 10) притяжательное прилагательное от обозначения отца по его занятию — ЩЕТИННИКОВ, КОНОВАЛОВ, САПОЖНИКОВ; 11) притяжательное прилагательное от обозначения матери по ее занятию — МЕЛЬНИЧИХИН; 12) прилагательное от названия церкви (только для священнослужителей), например: НИКОЛЬСКИЙ ПОП ИОАНН. В XVII в. в указах о переписи уже устойчиво предписывалось записывать «с отцы» (то есть с отчеством) и «с прозвища» (то есть с фамилией).

Фамилии у горожан, таким образом, начали оформляться в XVII в. Несколько раньше, в XVI в., появились первые купеческие фамилии (например, Строгановы, Бачурины, Прощелькины и пр.). Крестьянские же фамилии начали складываться на Севере в XVII—XVIII веках в среде государственных (бывших чернососных) крестьян. В помещичьей деревне этот процесс шел замедленными темпами, как и в удельной деревне (ранее дворцовой), вплоть до второй половины XIX века.

В крестьянской семье, кроме способа фамильной номинации «с отцы» и «с прозвища», был распространен и слабо исследованный в русской антропонимии способ называния «с деда» («дедичество»), например: дед ФЕДОР Иванов Семенов, сын Иван ФЕДОРОВ Маркелов, внук Егор Иванов ФЕДОРОВ (не Маркелов!). Кроме того, значительная часть севернорусского населения носила фамилии принадлежностные (ПОПОВ, МОНАСТЫРСКИЙ, ВЛАДЫКИН), владельческие (СВОЕЗЕМЦЕВ), земляческие (ПИНЕГИН, КАНИН, КАРЕЛЬСКИЙ, КОРЕЛЬСКИЙ, КОРЕЛОВ, СМОЛЕНСКИЙ), церковные (УСПЕНСКИЙ, ВОЗНЕСЕНСКИЙ, ПОКРОВСКИЙ, РОЖДЕСТВЕНСКИЙ), прозвищные (УЗКИЙ, ШИРОКИЙ, ШИРОКИХ) и т. д. Многие фамилии напоминают об исчезнувших профессиях (СКОМОРОХОВ, ТРАПЕЗНИКОВ, ШОРНИКОВ, КОНОВАЛОВ, ЛОДОЧНИКОВ). В фамилиях прозрачно отразились социальные от-

ношения (БАТРАКОВ, ПОЛОВНИКОВ), обычаи и обряды (РЯЖЕНЫХ, ПАНИХИДИН), многие другие стороны жизни и быта.

Многие жители Сибири носят фамилии, характерные для Русского Севера, что позволяет выявить ранние маршруты крестьянско-посадского переселения с Архангельского Севера за Урал, вплоть до Тихого океана. Так, например, В. А. Никонов проследил движение фамилий МЕНЬШИКОВЫ и ДОСТАВАЛОВЫ с низовьев Северной Двины (бывшая Великодворская волость Холмогорского уезда) в Приуралье (бывшие Туринский и Оханские уезды), на Средний Тобол и в Забайкалье. На Русском Севере, как и в Центральной России, фамилии имели, как правило, форму прилагательного с давно (?) сложившейся суффиксацией на -ОВ и -ИН (ПОПОВ, ШУБИН); распространенными были форманты на -СКИЙ с суффиксом -СК, обозначающим, вероятно, принадлежностный признак (то есть отвечающие на вопрос «чей?») (ПАВЛОВСКИЙ, СЕ(И)ЛИНСКИЙ, ПЕНЬЕВСКИЙ); архаичными были суффиксы и окончания на -Й (БЕДНОЙ, БЛАГОЙ) и -АГО (ВЕСЕЛАГО), а также «сибирские», на самом деле — севернорусские окончания -ИХ, ЫХ (ДОЛГИХ, ШИРОКИХ, ГЛАДКИХ, МАЛЫХ); редкие фамилии на -ИЧ (АНДРИЕВИЧ), а также некоторые исключительные фамилии (ЛЯХ, ГОФЕ, БУРЛЯК) отражают в северной антропонимии позднейшие иноязычные включения.

В поисках корней русских фамилий исследователи не без успеха прибегали к систематизации их морфологической структуры, абстрагируя имя в качестве социального знака — социальной характеристики человека. Лучшими исследованиями этого рода можно назвать книгу Б. О. Унбегауна «Русские фамилии» [13] и статью Б. А. Успенского в послесловии к этому труду [14]. Имена были исходными элементами фамилий (например, имя ТРЕТЬЯК — фамилия ТРЕТЬЯКОВ, БУЯН — БУЯНОВ, ОВЧИНА — ОВЧИНИКОВ, СИДОР — СИДОРОВ и пр.). В севернорусском именнике преобладают канонические христианские (календарные) имена (АЛЕКСАНДР, ВАСИЛИЙ, ИВАН, МИХАИЛ и др.), хотя в советское время в него вошли имена со странной, но ставшей привычной языковой конструкцией (ВЛАДЛЕН, ПОЛЯРИНА, СТАЛИНА, РЭМ и пр.) [15].

Очень интересны названия лиц по местности (катойконимы) [16]. Обычно оттопонимные названия лиц дополняли собственно личное имя, например: СЕМЕН АНДРЕЕВ СЫН КОНДАКОВ ГУБАНИНЫХ КОЛМОГОРЕЦ (1601 г.), ПРОКОПИЙ СКРЕПОВ КОЙДОКУРЕЦ (1713 г.). Антропонимия отразила также и этнонимы —

названия этнической группы, племени, народа, например, в северной антропонимии: ГРИША КОРЕЛЯНИН (1554—1555 гг.), ОСТАНЯ ТАТАРИНОВ (1549 г.) и т.п.

Этнонимы получили довольно полное освещение в специальной литературе [17], однако этнонимия Русского Севера скрывает в себе еще немало не разгаданных тайн. Например, известный этноним «чудь» [18]. В исторической этнонимике принято считать, что «чудь» в узком смысле слова обозначало в летописях название эстов и других народов Прибалтики, в широком же смысле — название финно-угорских племен бывших северных губерний России и Сибири. «ЗАВОЛОЧСКАЯ ЧУДЬ» (в «Повести временных лет» — «ЧУДЬ ЗАВОЛОЦКАЯ») — название локальной финно-угорской племенной группировки на Русском Севере, занимавшей в XI—XIII веках территорию к северу от бассейна реки Сухоны, с запада ограниченную бассейном реки Ваги, с востока — средним и нижним течением Северной Двины; в центре очерченного региона находились новгородские волости по реке Ваге (позднее — Важская земля). Заволочская чудь, таким образом, являлась древнерусским суммарным обозначением всего финно-угорского населения Заволочья и Подвинья [19].

Наряду с летописными «языцами» — народами ВЕСЬЮ (ВЕПСАМИ), КА(О)РЕЛАМИ, ЛОПЬЮ, САМОЯДЬЮ исследователи обнаружили в устных преданиях этнонимы, неизвестные по письменным источникам (ЕМЬ, ШЕНЬ на Северной Двине; ПИНЬ, НЕМЬ, ЛА на Пинеге и т. д.); народные предания связывают их, как правило, с гидронимами (реки Емца, Пинега, Немнюга и пр). Вельский краевед А. Ф. Орлов, автор изданной в 1907 году работы о происхождении географических названий [20], утверждал, что этнонимы произошли от гидронимов (например, ВАГАНЫ — от реки Ваги, ПОДЮЖАНЕ — от реки Подюги, ПОКШАРЫ — от реки Покшеньги, УСТЬЯНЕ (УСЬЯНЕ) — от реки Устья, КУЛОЙЦЫ — от реки Кулой, МОШАКИ — от реки Моши, ИЖЕМЦЫ — от реки Ижмы, ТОЙМИЧИ — от рек Верхняя и Нижняя Тойма и т. д.). Историки и археологи обнаружили немало «чуждских» памятников в Белозерье (Л. А. Голубева, Н. А. Макаров), на Ваге и Северной Двине (О. В. Овсянников), в архангельской Субарктике (Л. П. Хлобыстин, В. Я. Шумкин). В нижнем течении реки Печоры были исследованы памятники VI—XIII веков, раскрывшие культуру местных доненецких этносов (летописной ПЕЧЕРЫ, которую ненцы называли СИИРТИ, СИХИРТЯ); значительную роль в изучении древней ПЕЧЕРЫ сыграл О. В. Овсянников.

Заслуживает внимания еще один этноним — «биармы». БЪЯРМЫ, БЪЯРМАЛАНД (БИАРМЫ, БИАРМИЯ) — народ и страна, упоминаемые в средневековых скандинавских источниках в широких временных рамках — от конца IX века («беормас» «Орозия» англосаксонского короля Альфреда Великого) до первой половины XVI века («История северных народов» Олауса Магнуса, 1539 г.; карты Меркатора и Ортелия). В древнерусских источниках сведений о биармах нет. М. В. Ломоносов в «Древней Российской истории» (1758 г.) писал, опираясь на «Хеймскринглу» Снорри Стурлусона (1230 г.) и «Деяния датчан» Саксона Грамматика (конец XII века): «...Пермия, кою они (Стурлусон и Саксон Грамматик. — А. К.) Биармией называют, далече простиралась от Белого моря вверх, около Двины реки, и был народ чудской сильный, купечествовал дорогими звериными кожами с датчанами и с другими нормандцами» (см. главу 6 «О чуде»). Это мнение поддержал К. Тиандер в книге «Поездки скандинавов в Белое море» (СПб., 1906). Современная историография Биармии дана в трудах Е. А. Мельниковой, Г. В. Глазыриной, Т. Н. Джаксон, Е. А. Савельевой и др. Оказывается, каждый источник, взятый в отдельности, сообщал о «своей» Биармии. В течение IX—XII веков она «перемещалась» с юго-востока на северо-запад — от устья Северной Двины (исландские саги IX—XII веков) через Карелию на Кольский полуостров (Олаус Магнус поместил ее в 1539 году за полярным кругом, между 90° и 85° с. ш.; Антоний Дженкинсон на карте 1562 года поместил ее севернее «Лаппии»; на карте Московии 1613 года Гесселя Герритса Биармия уже отсутствует). Между тем биармы (бьярмы) принадлежали к финской группе северных народов. Их сопоставляли с карелами (М. Фасмер, А. С. Росс, И. П. Шаскольский, М. И. Белов и др.), с вепсами или заволочской чудью (К. Кастрен, В. В. Пименов и др.). Широко известна расшифровка этнонима «бьярмар» как прибалтийско-финское «регтаа», «регтатаа», то есть «задняя земля», «земля за рубежом», «окраинная земля». Возможно, однако, другое толкование этнонима, связанного с древними саамами («лопью») или северной группой этих племен, названной их финскими соседями «бьярмами». Протосаамы заселяли некогда обширные земли на Европейском Севере, а их переселение в течение IX—XVI веков шло с востока на запад до тех пор, пока они не локализовались в современной Лапландии.

В 1989 году под Архангельском был найден клад серебряных украшений и западноевропейских монет XI—XII веков. Архангельский клад (так он был назван первооткрывателями) располагался

на берегу небольшого ручья, впадающего в р. Вихтуй, рукав р. Тойнокурью, около дер. Боры. Клад состоял из серебряных изделий общим весом 1632,57 г (более 2 тысяч денариев, 3-х саманидских дирхемов и вещевой материал весом 270,67 г). Находки были датированы 1130-ми годами. Примечательно, что пункт «у Вихтуя» упомянут в перечне погостов новгородского князя Святослава Ольговича (1137 г.). Архангельский клад является первым древнерусским памятником XII века в Северном Поморье, свидетельствующим о существовании торговых связей «русской» Биармии с Западом и Востоком [21].

Большие возможности для исторических реконструкций скрываются в северной топонимии. Как и другие виды ономастики, топонимика исследует географические названия не только как элемент лексики, но и как явление социальное, общественное. Севернорусская топонимия представляет собой совокупность топонимов с видовым разделением на макро-, мезо- и микроуровни. Поскольку топонимы возникли в определенные исторические эпохи, меняясь по форме, а часто и по содержанию, распространяясь в зависимости от конкретных исторических событий, наука, их изучающая, топонимика («топос» — место, «онима» — имя), тесно связана с историей.

Один из видных исследователей северной топонимии А. К. Матвеев считал, что в географических названиях Архангельской области получили отражение реликты языков финской группы, близкие к прибалтийско-финскому, саамскому и волжскому типам [22]. Многие неславянские топонимы, по его мнению, легко поддаются расшифровке: в топониме ШАРДОНЕМЬ, например, выделяются две части — ШАРД (от р. Шарды) и НЕМЬ (вепс. — наволок), соответственно перевод: НАВОЛОК У РЕКИ ШАРДЫ. Аналогичные переводы возможны для топонимов ЕЖЕМЕНЬ, КАСКОНЕМЬ, КОЗОНЕМЬ, ПИРИНЕМЬ и др. Вообще же неславянский пласт в пинежских гидронимах составляет 85% в микрогидронимах, в названиях ручьев — 50%, в названиях крестьянских пашен и пожен — 5% (в удалении от селений) и 25% (вблизи деревень); ойконимы же (собственные имена любого поселения) обнаруживают следующее соотношение: 64% русских топонимов, 36% — нерусских по основе.

В расшифровке северных топонимов следует различать их исторические пласты. Вот как, например, исторически развивался ойконим ХОЛМОГОРЫ (мнения Н. М. Карамзина, В. В. Крестинина, К. Ф. Тиандера): первоначальный топоним КОЛМОГОРЫ включал в себя лексическую основу «финско-карельского» числительного «три» (КОЛМ, КАЛМЕ), что и обусловило буквальный перевод

топонима как ТРЕХГОРКА (деревни Курцево, Карповка и Подкурье); в дальнейшем развитие топонима шло следующим образом: ХОЛМГАРД, ХОЛЬМГАРД (сканд.), КОЛМГАРД, КОЛМЕГОРД (зырянск.), КОЛМЕГОРОД, КОЛМОГОРОД, КОЛМОГОРЫ, ХОЛМОГОРЫ (русс.) [23]. Таким образом, КОЛМОГОРОД ассимилировался в КОЛМОГОРЫ под влиянием привычных в Подвинье топонимов, таких, как РОВДОГОРЫ, МАТИГОРЫ, ПИЛЬЕГОРЫ, ХАВРОГОРЫ, КИРЬЕГОРЫ и пр.; поселение носило имя КОЛМОГОРЫ вплоть до конца XVIII столетия, с XIX века утвердилось нынешнее название — ХОЛМОГОРЫ (в местных говорах — с ударением на первом слоге, согласно современному литературному произношению — с ударением на третьем слоге). Впрочем, возможны и другие гипотетические рассуждения по поводу топонима Холмогоры. Древние холмогорские посады (их было не три, а пять: Курцевский, Глинский, Ивановский нижней половины, Никольский нижней половины и Западракурский) обстоятельно описаны в работах О. В. Овсянникова и М. И. Мильчика. Имеется и ненаучное, народное объяснение топонима КОЛМОГОРЫ-ХОЛМОГОРЫ: от диалектного слова «МОГОРИТЬ» (просить, клянчить) или слова «МОГОРЫ» (базар), отсюда — «около Могоры», «КОЛО МОГОРЫ»=КОЛМОГОРЫ, ХОЛМОГОРЫ.

Первыми топонимами были, вероятно, видовые нарицательные (РЕКА, ВОДА, БОЛОТО, ОЗЕРО, ТУНДРА, ГОРА и пр.). Наряду с ними источником номинации служили видовые нарицательные с признаками объекта, например, гидронимы Большого Соловецкого острова: озера ШУЧЬЕ, ОКУНЕВСКОЕ, КРАСНОЕ, МЕЛКОВОДНОЕ, ПЕРЕХОДНОЕ, БЕРЕЗОВОЕ, ЗЕЛЕНЕ, ТОРФЯНОЕ, МОХОВОЕ, КАМЕННОЕ и др. Встречаются, хотя и редко, более развернутые описания в названиях, например: ПОРОГ БОЛЬШАЯ ГОЛОВА (р. Онега), ПОКРОВСКИЙ ПОСТ ПОГРАНИЧНОЙ СТРАЖИ (Онежской берег Белого моря, устье ручья Пилемского) и т. д.

В переходный период от первобытности к феодализму возникли названия от личных имен, например: дер. НОСОВЩИНА (Онеж. р-н), дер. ЗУЕВЩИНА (Холмогор. р-н) и др. С появлением частной собственности на землю (крестьянские «вотчины») оформились принадлежностные номинации; в топонимии появились названия, отвечавшие на вопросы «чье?», «кто владеет?». В «заволочских» землях Двинско-Важского бассейна (Емца, Мехреньга, Ваймуга, Нижняя Двина) существовали так называемые «ростовщины», то есть земельные владения ростовских князей: Ивана Владимировича Рос-

товского, Ивана Александровича Ростовского, Федора Андреевича Ростовского и др. Земельные владения новгородских и двинских бояр, а также духовных феодалов тоже были отмечены принадлежностными названиями, например: селения ДАНИЛОВО, ИГНАТОВСКАЯ, ИСАКОВСКАЯ, АНДРОНОВСКАЯ, ПАТРАКЕЕВСКАЯ, ОСТАШЕВО, СИЙСКОЕ, КРАСНОГОРСКАЯ и т. д. А такие топонимы, как МОНАСТЫРЩИНА, КАЗЕНЩИНА, УДЕЛЬНОЕ, ПОПОВЩИНА, ЦЕРКОВНИЧЕСКОЕ, не требуют особых пояснений. А сколько крестьянских имен, прозвищ и фамилий было запечатлено в названиях деревень, починков, усадеб, рыболовных угодий, охотничье-промысловых «ловель» и «путиков»...

Позднее, с развитием торгово-промышленной деятельности, на Русском Севере, как и в других регионах России, появились топонимы, связанные с экономической жизнью общества, например, ЯРМАРКИ (Никольская на Пинеге; Евдокиевская на Ваге, село Благовещенское; Сретенская в Шенкурске; Крещенская в г. Мезени; Никольская в Сумпосаде; Покровская в с. Кузомень, Терский берег; Архангельская, с 1844 г. — Маргаритинская и др.), ВОЛОКИ (Балтийско-Ладожско-Онежский; Каспийско-Волжско-Белозерский; Беломорско-Онего-Лачский), почтово-торговые ТРАКТЫ (Холмгорско-Московский с 1693 г., Петербургский с 1780 г.; Шенкурский, Онежский, Кемский, Онего-Дениславский, Онего-Обозерский, Веркольский, Пинего-Мезенский, зимний; Мезенский, Пинего — Усть-Цилемский, Мезенско — Усть-Цилемский, Усть-Цилемский — Пустозерский, Мезенско-Печорский до Пустозерска через Канинскую и Тиманскую тундры, зимний; Архангельско-Мезенский, зимний; Кандалакшско-Понойский, зимний; Кемь — Ухта, Шенкурско-Няндомский, Шенкурско-Пучужский, Няндомско-Пудожский, через г. Каргополь; Коношско-Вельский, Котласско-Сольвычегодский и др.). В северных городах обычными становились профессиональные номинации, например, названия улиц в г. Архангельске: СМОЛЬНЫЙ И САЛЬНЫЙ БУЯНЫ, МОХОВАЯ СТОРОНА В ЗАТИННОЙ СЛОБОДЕ (1713—1714 гг.), МОХОВАЯ улица (1723 г.), ЗВОЗ (ЮРЬЕВ ЗВОЗ, 1711 г.), БУЯНОВА улица (1686 г.), ПРИСТАНИ-МОСТЫ (ЕРЕМЕЕВ МОСТ, 1615 г.; МОСТ Пертоминского монастыря, 1687 г. и т. д.) [24]. Топонимия Архангельска получила хорошее освещение в дважды изданной книге Е. И. Овсянкина «Имена архангельских улиц» [25].

Топонимы, как известно, не существуют в одиночку, они соотношены друг с другом. Чтобы выяснить происхождение названий, необходимо прежде всего понять, что они возникли не изолированно,

а лишь в определенном ряду с другими названиями. Лучше всего закон ряда иллюстрируется топонимическими парами, например, дальними (г. Архангельск у Белого моря — г. Ново-Архангельск на Аляске) и близкими (Верхняя Тойма — Нижняя Тойма). Всего отчетливее сравнительность топонимов можно продемонстрировать в оппозициях: деревни МАЛАЯ и БОЛЬШАЯ ВИРОВЫ, МАЛЫЕ и БОЛЬШИЕ КОРЕЛЫ; значительное число таких оппозиций присутствует в гидронимах: реки МЕЗЕНСКАЯ и ПЕЧОРСКАЯ ПИЖМЫ и др.; реки ВАРЗУГА на Терском берегу и БОЛЬШАЯ ВАРЗУГА.

Наряду с разновидностями бинарных противопоставлений (Белый-Черный, Большой-Малый, Верхний-Нижний, Летний-Зимний, Северный-Южный) встречаются странные, на первый взгляд, топонимические сопоставления: ПУКШЕНЬГА-ПОКШЕНЬГА — реки, верховья которых расположены близко друг к другу, а затем расходятся в разные стороны: одна несет свои воды в Северную Двину, другая — в Пинегу. Из гидронимических пар возникают целые ряды, например: гидронимы с суффиксами -ШЕНЬГА, -ЕНЬГА: КОРЖЕНЬГА, МЕХРЕНЬГА, КОКШЕНЬГА, ПУКШЕНЬГА, с суффиксами -УГА, -ЮГА: ВАВЧУГА, МУДЬЮГА, ПОДЮГА, ПАЧУГА, НЕМНЮГА и т. д. Суффиксы легко переводятся с финского: «уга», «юга» — от «йоки» (вода); «нья» — от югорского «иенк» (вода). Выяснить происхождение и развитие географических названий — значит приурочить их конкретно-исторически.

Закон пересекающихся топонимических рядов обязывает исследователя искать максимум семантических, словообразовательных и ландшафтных связей, обусловивших появление топонимов. Особого внимания требуют микротопонимы, стоящие ближе к именам нарицательным и выходящие из диалектной лексики.

В современной микротопонимии Русского Севера преобладают слова русского происхождения, тогда как в мезо- и макротопонимии — слова из так называемых субстратных языков. Так, например, афанасовские селения (Верхнетоемск. р-н) краевед-топонимист А. А. Тунгусов делил на относительно крупные с нерусскими названиями (САРЧЕМА, ВАДЮГА, ИЗЕВЕРА, КОДА, ЛАМБАС, КЕРАС, КЕРГА, СОГРА, ЛОХОМА и др.) и небольшие деревни с русскими названиями (ПРИЛУКСКАЯ, ДРОЗДОВСКАЯ, НИКОЛЬСКАЯ, ЛАРИОНОВСКАЯ, МАШКАНОВО, ПАХОМОВО, ВОЛЫНОВО, ЕФИМОВО и др.); названия пожен на лугах почти все русские (БРЮХАНИХА, РЕПИЩА, ТОРШИХА, ОСОЧНОЕ, ОСИНОВКА, ПАШКОВО и др.), хотя изредка встречаются и нерусские (ЗАКУРЬЕ,

ВАГМАСНАЯ). Ссылаясь на авторитетное мнение А. К. Матвеева о своеобразии верхнетоемских топонимов, А. А. Тунгусов предпринял интересную попытку расшифровать многие из них (например, река КОДИМА — с вепс. «родная земля»; ручей ШАЛГА — с фин. «грива», «лесной хребет»; ручей ЛАМБАС — с кар. «лесное озеро»; река УНЖИЦА — с мар. «тихая», «спокойная»; ручей КАНЗОВ — фин., кар., вепс., саам. — «канз» — «коллектив», «группа людей», «род», «племя») [26].

Значительный интерес представляет указатель топонимов Кенозерья, составленный при участии В. Я. Дерягина [27]. В форме методической разработки авторы публикации перечислили едва ли не все географические названия Кенозера (деревни, озера, острова, реки, ручьи, поля, пожни, урочища, болота и пр.) с убедительными расшифровками, например: болото ВАЛДАПАХТА — сравни: карел. *valged*, вепс. *vauged*, фин. *valkea* — «белый»; «пахта» встречается в арханг. говорах — «болото»; «покос на болоте», «торф» — географический термин, по-видимому, также финно-угорского происхождения; урочище МАСЕЛЬГА — от карел. *maa*, вепс. *ta*, фин. *maa* — «земля», «сельга» — «возвышенность» и т. д.

Историко-географический анализ отдельных слов в диалектах на территории современной Архангельской области, по материалам существующих говоров и данным письменных памятников XV—XVII веков, позволил наряду с картографированием и составлением изоглосс (см. «Лексический атлас Архангельской области» Л. П. Комягиной) представить во всей полноте «движение» диалектных слов в топонимии. Например, лексема КУРЬЯ присутствует в топонимии почти повсеместно на территории Архангельского Севера, за исключением бассейна р. Онеги (город Шенкурск — от ШЕН-КУРЬИ; дер. ЗААКУРЬЕ в Мезен. р-не и др.), и происходит от коми *kurja* — «залив», фин. *Kurju* — «борозда»; лексема ЛУДА в значении «каменистое дно», «каменистый остров», от кар.-олон. *luodo* — «каменистая мель», фин. *luoto* — «маленький остров без леса» репродуцировалась в беломорских топонимах (дер. ЛУДА в Примор. р-не, острова ПЕРХЛУДЫ в Онеж. заливе Белого моря).

Имеется еще одно свойство топонимов — их относительная «отрицательность» (негативность). Вероятно, во все времена названия географических объектов могли возникать в результате наблюдения за уникальным признаком. Так, например, селение ТУНДРА, расположенное в лесу, казалось бы, никак не соответствовало своему названию. В Поволжье, например, топоним с прилагательным РУССКИЙ встречается чаще, чем в центральной части России (РУССКИЕ ТЕ-

МЯШИ, РУССКИЕ АЛГАШИ и др.); они определяли пограничье с мордвой, чувашами, татарами и другими нерусскими народами. На Архангельском Севере, однако, при всей его маргинальности, этот этноним отсутствует, хотя в иноязычных топонимах это «пограничье» все же существует в реальности, например, в Республике Коми и Республике Карелии.

В общих чертах топонимическая стратиграфия Русского Севера от карельского Поморья до ненецких тундр представляла собой следующее: 1) древнейшее переселение из Западной Сибири и Урала в X—IX тысячелетиях до н. э. с пратопонимическим пластом (топонимы с окончаниями на -ГА, -МА, -ША, -КСА, -ТА, -ДА и др.); 2) движение неолитических племен с юга в середине III тысячелетия до н. э.; этнос не восстанавливается; 3) саамский топонимический пласт; время — конец III—начало II тысячелетия до н. э.; 4) прибалтийско-финский топонимический пласт; время — I тысячелетие до н. э.—начало II тысячелетия н. э.; 5) русский топонимический пласт, с XII—XIII веков (новгородская и верхневолжская колонизации). Свообразными «языками» на разных уровнях стратиграфической этноколонки на Русский Север проникали угорские, пермские, волжско-финские, самодийские и другие топонимы. Их взаимоотношения еще недостаточно изучены и спорно интерпретируются. А. К. Матвеев установил, что задолго до славяно-русского населения здесь жили, сменяя друг друга или «чересполосно» соседствуя, прибалтийские и волжские финны (в частности, прибалтийские финны занимали когда-то всю северо-западную половину Архангельской области, вепско-людиковский тип — среднее течение р. Пинеги, р. Выя); саамы; пермяне-коми; севернофинны. Наиболее поздним «чуждским» населением на Севере были прибалтийско-финские племена — карелы и вепсы. Собственно прибалтийско-финская колонизация имела место незадолго до продвижения в Поморье славянских племен, а частично шла одновременно с ним. Кроме того, в результате микротопонимических исследований выяснилось, что на Русском Севере оформились особенности ряда ареалов, например Верхнетоемского и Пинежского районов Архангельской области, где издавна пролегалo пограничье между прибалтийско-финским языковым субстратом и волжско-финско-пермскими языковыми пластами. Топонимия ненцев, заселивших европейские тундры, в частности земли летописной «печерьи», изучена, к сожалению, слабо, хотя вопросы этнической истории европейских ненцев были поставлены в известных работах Л. В. Хомич (1966; 1976).

Историческая ономастика Русского Севера требует дальнейшего более глубокого изучения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бернштам Т. А. Роль верхневолжской колонизации в освоении Русского Севера (IX—XV вв.) // Фольклор и этнография Русского Севера. Л.: Наука, 1973. С. 5—29; Она же. Поморы: Формирование группы и система хозяйства. Л.: Наука, 1978.
2. Словарь Архангельской области / Под ред. О. Г. Гецовоной, Вып. 1—9 М., 1980—1996 (издание продолжается).
3. Чайкина Ю. И. Географические названия Вологодской области: Топонимический словарь. Архангельск, 1988.
4. Керт. Г. М., Мамонтова Н. Н. Загадки карельской топонимики. Петрозаводск, 1982; Ономастика Карелии: Проблемы взаимодействия разноязычных ономастических систем. Петрозаводск, 1995.
5. Керт. Г. М. Словарь саамо-русский и русско-саамский. Ок. 4000 слов. Л.: Просвещение, 1986; Минкин А. А. Топонимы Мурмана. Мурманск, 1978.
6. Гуляев Е. С. Сопоставительный словарь коми языка (Новые публикации из архива И. А. Куратова) // Куратовские чтения. Т. 3. Сыктывкар, 1979. С. 109—129 (С. 113—128 — текст словаря).
7. Туркин А. И. Коми топонимия на территории Архангельской области: Бассейн Нижней Вычегды // Труды Ин-та яз., лит. и истории Коми филиала АН СССР. Сыктывкар. 1972. № 14. С. 62—76.
8. Дерягин В. Я., Комягина Л. П. Из истории финно-угорских заимствований в северно-русских народных говорах // Вопросы изучения русских говоров. Диалектная лексика. Л., 1972. С. 32—49.
9. Комягина Л. П. Лексический атлас Архангельской области. Архангельск, 1994.
10. Сими́на Г. Я. Материалы сплошного топонимического обследования замкнутой микротерритории (бассейн реки Юлы, Пинежский район, Архангельская область). Л., 1969; Она же. Географические названия: По материалам письменных памятников и современной топонимики Пинежья. Л., 1980.
11. ГАО. Ф. 6. Оп. 18, 19; Никонов В. А. География фамилий. М., 1988. С. 56—77; Он же. Словарь русских фамилий / Сост. Е. Л. Крушельницкий. М., 1993.
12. Веселовский С. Б. Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974.
13. Унбегаун Б. О. Русские фамилии. М., 1989; 2-е изд., исправл. М., 1995.
14. Успенский Б. А. Социальная жизнь русских фамилий // Унбегаун Б. О. Русские фамилии. М., 1989. С. 336—364.
15. Справочник личных имен народов РСФСР. Изд. 3-е. М.: Рус. яз., 1987. С. 20—26.
16. Коршунова И. А. Названия лиц по местности в деловой письменности Карелии XV—XVII вв. // Ономастика Карелии: Проблемы взаимодействия разноязычных ономастических систем. Петрозаводск, 1995. С. 55—68.
17. Этническая топонимика. М., 1987.
18. Агеева Р. А. Об этнониме чудь (чухна, чухарь) // Этнонимы. М., 1970.
19. Савельева Э. А., Королев К. С. По следам легендарной чуди: Страницы истории народа коми. Сыктывкар, 1990; Назаренко В. А., Овсянников О. В., Рябинин Е. А. Средневековые памятники Чуди Заволочской // Советская археология. 1984. № 4. С. 197—216; Булатов В. Н. Русский Север. Книга первая: Заволочье (IX—XVI вв.). Архангельск, 1997.
20. Орлов А. Ф. Происхождение названий русских и некоторых западноевропейских рек, городов, племен и местностей. Вельск, 1907.

21. Носов Е. Н., Овсянников О. В. Архангельский клад 1989 г. // Славяне и финно-угры: Археология, история, культура. СПб., 1997. С. 146—157.
22. Матвеев А. К. Из истории субстратной топонимики Русского Севера // Вопросы топонимики. Свердловск, 1971. Вып. 5; Он же. Происхождение субстратной топонимики Русского Севера // Вопросы языкознания. 1969. № 5.
23. Карамзин Н. М. История Государства Российского. Кн. 1. Т. I—IV. М., 1988 (См. примеч. к Т. II. С. 27); Крестинин В. В. Начертание истории города Холмогор. СПб., 1790; Тиандер К. Ф. К истории города Холмогор // Известия Отд. рус. яз. и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1900. Т. 5. Кн. 3. С. 709—787.
24. Овсянников О. В. К топонимике и топографии старинного Архангельска // Вопросы топонимики Подвinya и Поморья. Архангельск, 1991. С. 55—79.
25. Овсянкин Е. И. Имена архангельских улиц. Архангельск, 1983; Он же. Имена архангельских улиц. Архангельск, 1998.
26. Тунгусов А. Село наше древнее: Историко-краеведческий очерк // Заря (Верхняя Тойма). 1986, 11 окт.; 1987, 21 февр.; Он же. Верхнетоемские предания о чуде // Заря. 1971, 20 февр.
27. Дерягин В. Я., Дерягина З. С., Манихин Г. И. Топонимика Кенозера: Методические разработки для студентов пединститутов и учителей школ. Ч. 1—2. Архангельск, 1987.